

Театръ и музыка.

Театръ В. И. Асмолова.

Выборъ г-жи Лепетить, на бенефисъ которой (спектакль 6 ноября) мы познакомились съ пьесой А. П. Чехова «Дядя Ваня», дѣлаетъ большую честь артисткѣ. Это—такое живое, умное, полное мысли, обвѣянное дымкой задумчивой граціи произведение, что смотрѣть его—истинная отрада, давно желанный отдыхъ отъ всѣхъ, надѣвшихъ до тошноты прелестей новѣйшей драматургіи. Кстати замѣтить, развращающее вліяніе этихъ прелестей достаточно сказывается на спектаклѣ. Часті нашей публики, привыкшей смотрѣть на театръ, какъ на забаву, развлеченіе, способствующее, нѣкоторымъ образомъ, и пищеварительнымъ процессамъ—«Дядя Ваня» показался незамысловатымъ, скучнымъ, неинтереснымъ. Мало, видите ли, здѣсь жизни, люди выведены все какіе-то вялые, апатичные, сонные... То-ли дѣло хотя-бы «Контролеръ спальныхъ вагоновъ», гдѣ этой самой жизни хоть отбавляй, все на сценѣ отъ нея ходуномъ ходитъ, чуть-ли не столы и стулья, не говори уже объ артистахъ, въ плясъ пускаются! Вотъ это они понимаютъ, вотъ это настоящая жизнь, неподдѣльное оживленіе! Ну, да Богъ съ ними, съ такими тонкими цѣнителями: они для насъ, какъ и мы, конечно, для нихъ не указъ.. И если мы все-таки намѣрены побесѣдовать о пьесѣ г. Чехова нѣсколько подробнѣй, немного разобраться въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія она послѣ себя оставляетъ, то, разумѣется, не имѣемъ при этомъ нисколько въ виду этихъ господъ, а

обращаемся исключительно къ тѣмъ, кто съ любовью привыкъ относиться къ театру, кто сознаетъ его просвѣщающее, облагораживающее назначеніе. Послѣднимъ, по нашему искреннему убѣжденію, «Дядя Ваня» не покажется скучнымъ; яркая картина жизни, нарисованная художникомъ съ захватывающимъ драматизмомъ и широтой, ихъ не заставитъ дремать въ креслѣ во время акта и съ кислой гримасой морщить въ антрактахъ глубокомысленное чело...

Въ талантѣ Чехова, съ рѣдкой вдумчивостью анализирующаго все то, чѣмъ бьется пульсъ нашей родной дѣйствительности, чѣмъ люди живы, что ихъ смущаетъ, волнуетъ и гнететъ—въ этомъ талантѣ особенно дорога и привлекательна какая-то благородная сдержанность въ манерѣ письма, полное презрѣніе красноречіемъ, трескучихъ аффектовъ, полное отсутствіе вѣшняго блеска, прикрывающаго зачастую убожество мысли. Авторъ никогда не становится на ходули, чтобы подѣйствовать сильнѣе на читателя или зрителя; возмущается-ли онъ чѣмъ-нибудь или сочувствуетъ, темная-ли или свѣтлая (что, впрочемъ, гораздо рѣже) сторона жизни ему представляется—тонъ писателя остается неизмѣнно ровнымъ, не выходитъ изъ границъ, за которыми уже очень трудно подчасъ отличить искренность отъ лицемернаго пафоса и громкихъ фразъ, такъ одиными фразами все время и остающихся. Сравните и въ нашемъ житейскомъ обществѣ: одинъ кричитъ, ежеминутно выходитъ изъ себя, громя и обличая неправду,—а на сторонѣ, посмотришь, этотъ горячій и страстный проповѣдникъ истины прекрасно удерживаетъ свои дѣлишки; другой—не драшится въ тогу строгаго цензора нравовъ, хотя прекрасно замѣчаетъ всю господствующую вокругъ ложь, фальшь, условность; его аудитория, пожалуй, не такъ многочисленна, какъ у пустого фразера, но въ ней истинно хороша, отзывчива сердца; его рѣчи мягки, спокойны, не брызжутъ ослѣпляющимъ фонтаномъ риторическихъ заглазенокъ, но оттого онъ приобретаетъ только большую внутреннюю силу и убѣдительность. И Чеховъ именно такой учитель жизни, его слушаешь и всѣмъ существомъ проникаешься тѣмъ глубокимъ смысломъ, что таится подъ простой, съ виду ничѣмъ особеннымъ не поражающей оболочкой. Вотъ и въ «Дядѣ Ванѣ», котораго съ обычной своей скромностью авторъ называетъ только «сценами», всѣ эти симпатичнѣйшія черты дарованія Чехова выступаютъ какъ нельзя болѣе рельефно наружу. Попадись подобный сюжетъ

въ руки одного из ловких современ-
ных мастеров драматургии, онъ ужъ
его такъ-бы обработалъ, что публика,
жадная до всякихъ неестественныхъ
кривляний и приподнятыхъ чувствъ, ос-
талась-бы по горло довольной. Герония,
не нашедшая удовольствія въ брыз-
гливомъ подагрикѣ мужъ, затѣяла-бы
пикантный адюльтеръ съ докторомъ; дя-
дя Ваня, подсмотрѣвъ ихъ любовную
сцену, изъ чувства мести оттолкнувшей
его женщины побѣждалъ-бы съ доносомъ
къ супругу; безотвѣтная, любящая док-
тора Соня ударилась-бы въ истерику,
предварительно наговоривъ кучу жал-
кихъ и трогательныхъ словъ—словомъ,
чего-чего сюда не нагромоздилъ бы дра-
матургъ, вплоть до кровавой (это ужъ
непримѣнно!) развязки включительно.
Вотъ тогда-бы, конечно, пьеса не по-
казалась скучной, зритель-бы съ запря-
женнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми
этими ужасами и неожиданностями! А
то вдругъ все кончается, какъ и начи-
нается, буднями, сѣрой прозой, тоскли-
выми сумерками глухого угла, гдѣ
блѣдно доцѣпляетъ молодость вмѣстѣ съ
безрадостной, пережившей свои мечты
старостью. Ахъ, господа, нужно только
вдуматься, и такая драма—больше того,
трагедія—почище всякихъ трагедій
съ убійствами и проклятіями—вста-
нетъ здѣсь передъ вами, что жуткое
чувство невольна закрадется въ душу.
Взгляните попристанѣвъ въ фигуру
дяди Вани: развѣ его существованіе не
драма, тяжелая, безпробѣдная, которой
и конца-то не предвидится? Это—чело-
вѣкъ, ухлопавшій лучшие годы своей
жизни на прозябаніе въ деревенской
глуши, на занятіе за самое ничтожное
вознагражденіе изнуряющей, притупля-
ющей работой. Онъ выбивался въ силъ,
чтобы выжать всѣ соки изъ усадьбы,
которой управлялъ; онъ со своей пле-
мянницей Соней превратился въ черно-
рабочаго, поставившаго средства къ
сытому, комфортабельному существова-
нію своего кумира—мужа его сестры
профессора Серебрякова, казавшагося
дядѣ Ванѣ идеаломъ человѣка и учена-
го. Ради этого кумира, предъ достоин-
ствами котораго онъ преклонялся, онъ
пожертвовалъ личнымъ счастьемъ, сво-
бодой, онъ пренебрегъ потребностями
своего духа, онъ постарался забыть, что
также имѣетъ право взять отъ жизни
всю ту сумму благъ, какія она можетъ
дать. И что-же? Черезъ двадцать пять
лѣтъ, когда прошлые стремленія, пыл-
ношескихъ чувствъ, жажда жизни дол-
жны были, казалось, непробудно угас-
нуть, дядя Ваня вдругъ словно очну-
лся, оглянулся назадъ, и мучительная
тоска сжала его грудь. Когда то подав-
ленное «я» встрепенулось, заявило о
себѣ властно и настойчиво, запросило
тепла, женской ласки... И весь подвигъ
самопожертвованія показался дядѣ Ванѣ
чѣмъ-то глупымъ, безцѣльнымъ, какой
то роковой и увы! непоправимой ошиб-
кой. Тутъ какъ разъ случился и внѣш-
ній толчекъ, жестоко обострившій этотъ
душевный кризисъ—пріѣхалъ профес-

соръ со своей второй женой въ дере-
ню. Сухой, раздражительный, эгоисти-
чный до мозга костей подагрикъ—онъ
разомъ потерялъ въ глазахъ дяди Ваня
прежнее обаяніе. Кумиръ былъ сверг-
нутъ съ пьедестала; прошлое, прине-
сенное въ жертву этому божку, еще
рѣзче и острѣе вопило о своей нево-
звратности. Дядя Ваня рѣзко переѣхалъ
съ: прежней уступчивости и доброты и
осталось и слѣда. За что потеряна жизнь
— вотъ вопросъ, сверлящій теперь ег-
о мозгъ, доводящій его до изступленія.
Онъ воспламеняется глухой злобой къ томъ
человѣку, который сталъ виной всего
который и теперь губить и сущатъ
молодое существованіе—свою краси-
вую, обольстительно-преlestную жену
И та безропотно, какъ это было д-
о сихъ поръ и съ дядей Ваней, подчиняетъ
ся судьбѣ, покорно сносить жалчны
капризы этого деспота. Она, правда, ус-
тала, изнемогаетъ, ей грозитъ прежде-
временная пошлость, но все-таки и
тѣмъ сопротивленія, и тѣмъ протеста
А онъ, дядя Ваня,—что, если-бы ему и
долю выпало такое счастье, что, если
бы Елена Андреевна была его женой—
какъ-бы онъ любилъ, холмилъ, лелѣлъ
ее, какими-бы чудесными свѣтомъ она
раилась его туманные дни! Одна этъ
мысль—и дядѣ Ванѣ кажется, что онъ
дѣйствительно любитъ молодую женщи-
ну, любитъ жалкой, безсильной любовью
сердца, слишкомъ поздно проснушагося
отъ отчаянной летаргіи, въ которую онъ
долгіе годы было погружено. За что-жъ
все—одному, безсердечному, бездушному
себялюбцу, и ничего—ему, человѣку со
душой, съ чуткими нервами? И вотъ
раздраженіе дяди Вани все растетъ и
растетъ, онъ уже не помнитъ себя, не
можетъ за себя отвѣчать. Придавшись
къ пустынѣ, онъ вспоминаетъ, беспоря-
дочно излагаешь передъ профессоромъ
все свое негодованіе и, окончателно
забывшись, два раза стрѣляетъ въ него,
но неудачно. То, что слѣдуетъ затѣмъ
въ пьесѣ—весь ея четвертый актъ—
удивительно по своей потрясающей прав-
дѣ. Последняя ставка дяди Вани проиг-
рана, крайнее напряженіе всего его ду-
шевного міра, весь протестъ, на который
онъ только былъ способенъ, не привели
ни къ чему... Онъ обезсиленъ, у него мель-
каетъ даже мысль о самоубійствѣ, но
имѣшивается Соня, это чистое, кроткое,
такъ-же обманное судьбой существо, и
дядя Ваня смиряется... Профессоръ съ
женой уѣзжаютъ, а они вмѣстѣ съ Со-
ней станутъ опять тянуть свою безот-
радную линию, станутъ коротать долгіе
зимніе вечера подъ монотонный стукъ
сторожевой трещетки, въ обществѣ стар-
рой няни, выкушей чухомъ, бабушки,
зачитывающей книги о женской
эмансипаціи, да еще одного обдѣлыва-
го помѣщика Тахѣгина, смиреннаго че-
ловѣчка, прозваннаго за свою рѣбуну
физіономію «вафлей» и увеселяющаго ихъ
слухъ бречаньемъ на разбитой гитарѣ.
И все происшедшее скоро выгладится
изъ памяти: иногда, быть можетъ, коль-
нется сердце какимъ-то смутнымъ кош-

маромъ, но сейчасъ-же живо опрится
на самый дѣл души этихъ несчастныхъ
людей, теперь уже совсѣмъ умершихъ
для радостей жизни... Есть еще въ пьесѣ
докторъ Астровъ, натура одаренная
многими талантами, но также заглушенная
среди пошлости той обстановки, въ ка-
кую она попала. Астровъ будто-бы дѣ-
лаетъ дѣло, лечитъ, занимается экс-
периментами, но и ему не сладко жи-
вется, и онъ—больной, раздѣленный
сомнѣніями, удрученный житейскими
мелочами, на которыхъ приходится вѣчно
размѣливаться, человекъ. Онъ ужъ и за-
пинается отъ скуки, а дальше, вѣроятно
и совсѣмъ сойдетъ. Нежная, некра-
сивая Соня любитъ его, но ему нужно,
очевидно, ощущеній посильнѣе, чтобы
встряхнуть съ себя болотную пѣсьонь;
вотъ Елена Андреевна—это другое дѣ-
ло, тою онъ-бы могъ увлечься тѣмъ
болѣе, что и онъ ей нравится, но... не
судьба! Значитъ, опять бессмысленное
существованіе, опять сегодня то-же, что
и вчера, и такъ далѣе—одуряющее своей
безконечностью однообразіе... Какъ все это
живо, мѣтко схвачено, какъ художествен-
но уловленъ больной нервъ современ-
ности, какая психологическая, если можно
выразиться, картинность, колоритность,
проникающая отдѣльными положеніями и
сценами! И такую пьесу, гдѣ дѣйствуютъ
живые люди, родные, знакомые намъ
лица, плоть отъ плоти нашего неуравно-
вѣшеннаго, нервнаго поколѣнія—скупно
смотрѣть!... Вотъ ужъ что дѣйствительно
значитъ—расписаться въ полной своей
неподготовленности къ сознательному
воспріятію явленій жизни, отраженныхъ
искусствомъ въ лицѣ его самыхъ сер-
ьезныхъ и идейныхъ представителей...

Исполненіе «Дяди Вани» заслуживаетъ
полной похвалы. Г. Людвиговъ, игра-
вшій главную роль, проявилъ много
воодушевленія и искренности. Въ осо-
бенности удался ему третій актъ, про-
веденный артистомъ сильно и горячо.
Превосходнымъ Астровымъ былъ г. Са-
мойловъ; его умная, полная тонкихъ
штриховъ, интересныхъ деталей переда-
ча была положительно безукоризненна.
Очень просто и осмысленно изображала
Соню бенефициантка Гг. Добровольскій,
Петровскій и г-жа Тамарина не остав-
ляли желать ничего лучшаго. Еще разъ
выражаемъ самую искреннюю благодар-
ность г-жѣ Лепетичъ за то, что она да-
ла намъ возможность посмотрѣть такое
во всѣхъ отношеніяхъ выдающееся про-
изведеніе. X—2.

Таганрогскій театр.

Артистовъ ростовской группы театра
Асмолова принимаютъ въ Таганрогъ въ
высшей степени радушно. Второй спек-
такль съ участіемъ г. Людвигова, со-
стоившійся 5 ноября, прошелъ также